

ФРОНТИР С ЯПОНСКИМ ЛИЦОМ¹

Павленко Н. В.

Павленко Надежда Владимировна, ООО «Лукойл-Нижеволжскнефть»,
414000, Астрахань, Россия, ул. Адмиралтейская, дом 1, корпус 2.
Эл. почта: kitai.kibo@gmail.com

Вопросы японской этнической истории, как правило, невольно приводят исследователя к проблеме внутренней противоречивости японской культуры, выражающейся с одной стороны, в ее унифицированности, а с другой, в наличии множества этнических и культурных пластов. В данной статье анализируется вопрос фронтальной истории Японии. Хотя в зарубежной историографии проблемы японского фронта неплохо изучена, в отечественной исторической науке этот вопрос практически никак не освещен. В своей статье автор пытается рассмотреть данную проблему в нескольких аспектах: историческом и этническом. Исторический аспект затрагивает ряд территорий и племен, которые могут быть отнесены к понятию «фронтальный», т.е. связанных с определенной зоной культурных контактов японцев с неамериканцами. На севере страны это эмишу, айны и другие группы, а на юге это различные этнические группы островов Рюкю.

Этнический аспект анализируется через призму истории айнов и через процесс их инкорпорированности в общепонскую национальную культуру. На примере взаимоотношения с айнами автор выделяет три периода (модели) фронтальной политики японцев: архаичный, модернистский и современный. Архаичная модель являлась продолжением китайской модели, построенной на дихотомии центра и периферии. В ней доминировали мифопоэтические параметры, предписывавшие отношение к варвару в соответствии с его местом в картине мира. Модернистский подход был своеобразным синтезом традиционного японского и западного стиля мышления. Современная модель характеризуется пересмотром ряда положений прошлой японской истории и признанием некоторых старых ошибок.

Ключевые слова: фронт, Япония, Чужой, этническая история, идентичность, межкультурная коммуникация, айны.

Бытует мнение, что японцы представляют собой некое единое в генетическом и культурном плане население, в котором нет места для инородных элементов (Hardy, p. 17). Да и те, кто однажды побывал в

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «а2» «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

Японии, готовы уверять всех, что японцы представляют собой нацию с гомогенной культурой.

Однако, более близкое знакомство с японской культурой показывает, насколько эта культура полна чужеродных элементов, а японцы – в их региональной специфике – население довольно-таки разнообразное. Кроме этого, японская культура представляет нам уникальный образчик отношений с чужой культурой, построенный на удивительном синтезе, казалось бы, несовместимых элементов родного и иностранного. Любой человек, находясь в Японии, невольно ловит себя на мысли уникальной совместимости японского с неазиатским. Порой очень сложно отделить эти два элемента друг от друга, насколько гармонично они сочетаются, объединенные в одно целое. Но уникальность японской культуры не только в этом синтезе, или гибридности чужого и традиционно японского. В силу своего островного расположения и особенностей политического развития, Япония почти более чем на два столетия оказалась в полнейшей изоляции, представленная сама себе и почти не имеющая контактов с чужой культурой и значит с Чужим.

Кроме этого в японской культуре легко обнаруживаются две сильнейшие тенденции – одна направлена на максимальное поддержание многовековой традиции, а другая на активное заимствование нового из чужих культур. Все это приводит нас к вопросу о том, как японцы смогли совмещать в своей культуре порой несовместимые понятия, инкорпорировать Чуждое, делать его своим, творчески перерабатывать, не теряя свой уникальности.

Все это ставит перед учеными задачу анализа этого культурного феномена. Осмелимся предположить в качестве гипотезы, что эта гомогенность есть не реальное состояние дел с японской культурой, а лишь специфика нашего восприятия японской культуры. Как нам кажется, «унифицированность японской культуры» является лишь условным конструктом, возникшим под влиянием двух факторов: стремления японских властей утвердить эту гомогенность, и плохим знанием европейцев об истории Японии, особенно ее этнической истории. Вместе с тем даже беглое знакомство с ее историей демонстрирует нам большое этническое и культурное разнообразие населения японских островов. Об некоей условности, или точнее искусственности японского государства говорит и известный специалист по японскому фронтиру австралийский профессор Т. Моррис-Судзуки: «Современное японское национальное государство, вполне очевидно, представляет собой искусственную конструкцию, границы которой были сформированы во второй половине XIX в.. Эти границы объединили в национальном государстве широкий круг групп

с различными диалектами, образами жизни и убеждениями. Особенно проблематичные отношения существовали между государством и фронтальными сообществами («фронт», с точки зрения японской метрополии), которые традиционно имели лишь незначительные связи с центрами японской власти» (Morris-Suzuki, 2001, p. 82).

Ряд этих этнических групп, особенно на юге страны, уже давно перестали существовать, были ассимилированы японцами или уничтожены в продолжительных сражениях. Среди подобных этнических групп можно назвать хаято (隼人) – «люди-соколы» и кумасо (熊襲), жившие на ос. Кюсю. При этом этноним кумасо обозначал два разных народа – кумабито (люди кума) и собито (народ со). Кумабито были народом, живущим в горах, и, вероятно, производили устрашающее впечатление на японцев, за что и были отождествлены с «медведем». Со, напротив, жили в низине, за что и были названы «людьми, живущими в тени гор» (Takakura & Harrison, pp. 7-8). В конечном итоге кумабито и собито в сознании японцев слились в единый народ «кумасо», воспринимаемый как единое целое. В этом условном синтезе, как нам кажется, нет ничего удивительного, так как он отражает лишь то, что и первые, и вторые воспринимались японцами как враги, противостоящие им. Хотя до сих пор нет убедительного подтверждения этим фактам (Hudson, 1999, p. 194). Все эти иноэтнические конструкции строились на основе сложной картины мира, в которой японскому центру (ка) противостояли варвары (и). Варвары буквально «окружали» или точнее сжимали японцев с Севера и Юга.

Интересным предстает слово, переводимое на русский буквально как варвар, дикарь – *итеки* (夷狄) iteki – это книжный вариант для обозначения варвара или чужестранца, если мы посмотрим на иероглифы, то в основе лежит «иероглиф 夷 – ebisu, что означает «варвар», а в архаичном варианте обозначало айна.

Во многом система взаимоотношения японской метрополии с иноэтническими окраинами была заимствована из Китая. Все китайские варвары типологизировались на основе сложной системы: «На севере страны проживали северные варвары Ди или Бей-ди. На востоке – Дун-и, на юге – Нань Мань, на западе – Си Жун или Цуань Жун. В соответствии с этим, а точнее с традиционной китайской картиной мира, им присваивались определенные признаки. Каждая группа варваров наделялась особым цветом: северные варвары обозначались черным цветом, восточные зеленым или синим, варвары Мань – красным, а Жун белым» (Якушенков & Якушенкова, 2012, стр. 236).

Заимствовали японцы и слово 夷狄 (いてき) итеки для обозначения варвара. В дальнейшем это слово стало «литературным для обозначения варвара» (Hok-Lam, pp. 411-418).

Айны по-японски アイヌ ainu, букв.: «человек», «настоящий человек», в исторических японских текстах обозначаются как Эзо / Эмиши / Эбису (蝦夷) или айну (アイヌ), это населявший когда-то обширную территорию Южного Сахалина, Курильских островов, южной оконечности Камчатки и современной Японии и сохранившийся ныне в незначительном количестве лишь на острове Хоккайдо, ни своим антропологическим обликом, ни своей культурой не похожи ни на какой другой народ Восточной Азии. На данный момент официальное число айнов составляет 25 000 человек, но неофициально оно оценивается в 200 000 человек из-за того, что многие айны полностью ассимилировались в японское общество и, как следствие, не знают своих предков. Активный контакт между ваджинцами (этнически японцами) и айну из Эдзо начался в XIII в. (Walker, 2001, pp. 49–56). В этот период территория Эдзо (т.е. айнов) включала в себя не только современное Хоккайдо, но и север о. Хонсю.

Хотя наиболее раннее упоминание об эмиши относится к 649 г. н.э. Правда, следует оговориться, что еще не совсем ясно, следует ли ставить знак равенства между айнами и эмиши. Возможно, что под этим этнонимом скрывается какой-то иной народ, не связанный с айнами (Hanihara, p. 37).

Айны представляли собой «общество охотников-собирателей» (Walker, 2001, p. 17), занимавшихся главным образом охотой и рыболовством в северных и северо-западных территориях. В этот период айны и японцы, селившиеся на границе территории проживания айнов, во многом нуждались друг в друге. И хотя японцы воспринимали айнов чуть ли не как демонов, они все же не могли не взаимодействовать с ними, получая от них мясо, рыбу и другие продукты. В свою очередь, «японцы снабжали айнов рисом, кузнечными изделиями, хлопчатобумажной продукцией и т.д.» (Siddle, 2009, pp. 23-24). Конфликты между японцами и айнами усилились в период феодальной раздробленности, когда на территории основного проживания японцев царил смута, войны и раздор. Не будет преувеличением сказать, что в своем отношении к айнам в этот период японцы переносили ту же модель поведения, что царил и между различными японскими кланами.

Новый этап в отношениях с айнами наметился с наступлением периода Эдо (1601-1868), когда страна на долгое время оказалась в состоянии мира и покоя, что активизировало развитие экономики и

культуры. И хотя сёгунат не прекратил политику военного захвата территорий на Хоккайдо, уже не было того напряжения в отношениях двух народов, как прежде. Айны, проживающие на севере Хоккайдо, стали все более активно участвовать в торговле с японцами, которые контролировали южную часть острова. Сегунат Токугава предоставил клану Мацумаэ (Kakizaki) исключительные права на торговлю с айнами. Клан Какидзаки, как они называли себя в предыдущую эпоху, освоил территорию южной части острова. Это освоение происходило в ожесточенной борьбе с айнами, но во второй половине XVI в. лидеры клана осознали, что политика постоянных войн не сулит им ничего хорошего, и начали искать мирные способы отношений с айнами. Именно поэтому Токугава, после того как земли Какидзаки-Мацумаэ были присоединены к сёгунату, «поручили им контролировать отношения с айнами» (Siddle, 2009, pp. 24-25). Позже, Мацумаэ начал сдавать в аренду права на торговлю японским торговцам, и контакты между японцами и айнами стали более обширными. В течение всего этого периода айны становились все более зависимыми от товаров, ввозимых японцами, и «страдали от эпидемических заболеваний, таких как оспа» (Walker, 2001, pp. 177-189). Хотя возросшие контакты, стимулируемые торговыми отношениями между японцами и айнами, способствовали углублению взаимопонимания. Но нередко это также вело и к усилению противоречий, что приводило к кровопролитным конфликтам, которые иногда перерастали в вооруженное сопротивление айнов. Наиболее мощным было восстание против японской власти или война Сягусяина (Шакушаина) (1669-1672). Другим широкомасштабным восстанием айнов против японского правления стала битва Менаси-Кунашир в 1789 году.

Начало Реставрации Мэйдзи в 1868 году явилось поворотным моментом в культуре айнов. Японское правительство ввело целый ряд социальных, политических и экономических реформ в надежде на модернизацию страны в западном стиле. Одним нововведением является аннексия Хоккайдо. Шведский антрополог К. Шёберг (Sjöberg) так поясняет доводы японского правительства по этому поводу: «...Развитие большого северного острова Японии преследовало несколько целей: во-первых, оно рассматривалось как средство защиты Японии от стремительно развивающейся и экспансионистской России, во-вторых ... оно предлагало решение проблемы безработицы для бывшего класса самураев ... Наконец, развитие обещало предоставить необходимые природные ресурсы для растущей капиталистической экономики» (Sjöberg, 1993, pág. 117).

Кроме этого, перед правительством Японии стояла задача ликвидации любой возможности для регионального сепаратизма на

окраинах. Попытка создания Республики Эдзо (1868-1869 г.г.) на Хоккайдо показала, что отдаленные окраины могут легко превратиться в оплот для противодействия центральной власти. Возможно, именно соображения национальной безопасности играли решающую роль в присоединении этих территорий. Страх перед Россией, расширяющей свое влияние на Дальнем Востоке, и возможность для опальных самураев найти убежище на этой территории заставляли японское правительство действовать решительно в направлении укрепления центральной власти на этой территории (Hirano, p. 198).

Конечно не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что новые территории давали возможность центральной власти расширить ресурсную базу. Все это нашло свое отражение в «натурализации» Хоккайдо. Ранее используемый термин Эдзо (Ezo, Yezo), для обозначения территории севернее Хонсю, к 1890 г. окончательно уступает новому наименованию – Хоккайдо (北海道) – «регион северного моря» или «путь северного моря». Как нам кажется, сам термин также был своеобразной данью китайской традиции наименования подобным образом отдаленных территорий. Термин 道 (яп. «до», кит. «дао») возник еще в период империи Хань (206 до н. э.—220 н. э.) для обозначения территорий, населенных не китайцами или расположенными на периферии. И хотя в Японии этот термин имел давнюю историю и часто употреблялся и по отношению территорий, населенных японцами (Гокиситидо – «пять провинций-семь путей»), но после отмены системы феодальных владений (хан) он утратил свое значение.

Неслучайно, что именно в этот период территория Хоккайдо начинает позиционироваться как область, богатая природными ресурсами (Mason, p. 31). Это символическое сочетание удаленности и наличия богатых ресурсов (Якушенков & Якушенкова, 2013) как нельзя лучше подчеркивают фронтальный характер Хоккайдо в осмыслении японцами в конце XIX в.

Все эти идеи нашли свое отражение в 1872 г. в государственной политике Японии по регулированию земельных владений, объявившей эту территорию ничейной землей («землей без хозяина») – (mushu no chi 無主の地) (Hirano, p. 197).

Но японское правительство не остановилось на «символической натурализации» этой территории на уровне топонима. В 1899 году японское правительство приняло акт, обозначающий айнов как «бывших аборигенов», с целью ассимилировать их, а их земли перешли в собственность императора. Это привело к тому, что японское правительство захватило земли, на которых жили айны, и с

этого момента эти территории уже контролировались японцами. Помимо прочего в это же время айнам было автоматически предоставлено японское гражданство, фактически лишавшее их статуса коренного населения. Айны оказались маргиналами на своей собственной территории. В то время этот процесс открыто назывался колонизацией («takushoku»), но это понятие позднее было пересмотрено японскими элитами к общепринятому в настоящее время политкорректному термину «kaitaku» (開拓, русское «развитие», «открытие новых горизонтов»), которое вместо этого передает ощущение открытости или «рекультивации земли айнов» (Matsumoto, 1921, p. 72).

В этот период айны были обязаны изучать японский язык. При этом ставилась задача не просто обучить японскому языку, но ассимилировать их в языковом отношении. Как указывает Курасима Нагамаса, тогда «распространялся не nihongo (японский язык для иностранцев), а kokugo, то есть японский язык в качестве родного» (Алпатов, 2003). От айну требовали принять японские имена, а также прекратить религиозные практики, такие как жертвоприношения животных и «обычай татуирования женщин» (Ohnuki-Tierney, p. 204). Межнациональные браки между японцами и айнами активно пропагандировались среди айнов под предлогом уменьшения дискриминации в отношении их потомства.

Упомянутый выше акт 1899 года был отменен в 1997 году – до этого времени правительство заявляло, что «не существует этнических меньшинств» (Sato, 2007, pp. 618–620). Таким образом, потребовалось сто лет, чтобы изменить ситуацию с правами айнов. Примечательно, что добиться этого удалось в результате судебных процессов, в которых несколько айнских активистов выступили против правительства Хоккайдо, решившего затопить некоторые айнские земли, считавшиеся для айнов священными. Актом 1989 г. они экспроприировали часть земель айнов для строительства дамбы Нибутани. Председательствующий на процессе судья Саппоро Кадзуо Итимия вынес решение о запрете подобных действий на основании того, что айны являлись этническим меньшинством (Mason, стр. 150). Но только 6 июня 2008 года Япония на государственном уровне официально признала айнов как коренное население.

Японский Парламент 6 июня 2008 года принял не имеющую обязательной силы резолюцию, призывающую правительство Японии признать народ айнов в качестве коренного народа, и призвал положить конец дискриминации в отношении этой группы японцев. Резолюция утверждала, что народ айнов – «коренной народ с отличным языком, религией и культурой». Правительство немедленно

отреагировало на данную резолюцию, заявив: «Правительство хотело бы торжественно принять исторический факт, что многие айны были дискриминированы и ввергнуты в нищету, несмотря на то, что они юридически равны (японцам)» (Fogarty, 2008).

Конечно этот короткий обзор не может представить всю полноту развития фронтальных отношений на территории Японии. В этом кратком анализе мы в основном остановились на северных территориях, где все фронтальные процессы проходили в наиболее концентрированной форме. Вместе с тем не стоит забывать, что фронталь был и на юге Японии. И на протяжении длительного времени острова Рюкю воспринимались японцами как иностранная территория. Не следует сбрасывать со счетов и такие территории, над которыми власть Японии продолжалась недолго. Достаточно упомянуть среди подобных Тайвань, Сахалин и т.д.

Кроме этого список фронтальных народов Северных территорий может быть расширен, включением туда и другие этнические группы, например, нивхов.

И хотя термин фронталь по отношению к Японии уже давно и широко употребляется не всегда ясно, какой смысл вкладывают те или иные авторы. Большой специалист по японскому фронталу уже упомянутая австралийская исследовательница Т. Моррис-Судзуки, анализируя японский фронталь, постоянно подчеркивает, что восприятие японцами фронта в значительной мере перемещалось в сторону темпоральных характеристик, т.е. от категорий пространства к категории времени (Morris-Suzuki, 2015, p. 10). Но как только мы совершаем этот переход от пространства к темпоральным характеристикам (современный, прогрессивный/отсталый, архаичный и т.д.), фронтальные параметры ускользают от нас. В этой дихотомии мы уходим не в сторону «времени», а в сторону аксиологических оценок.

Вообще, если мы начинаем рассматривать фронтальные системы на Японских островах, то мы неизбежно приходим к нескольким моделям: архаичной, модернистской и современной. Архаичная модель, как и деление населения на японцев и варваров, восходит к китайской картине мира, в которой, как и подобает мифопоэтической картине, большую роль играли пространственные характеристики: деление на четыре стороны мира, деление на верх/низ и т.д. Отсюда все народы, живущие по разным сторонам света, маркировались в соответствии с этими сторонами (северные варвары, южные варвары и т.д.). Место проживания этнических групп (горы, равнины, моря) также накладывали свой отпечаток.

Уже упомянутые кумасо, хаято и эмиши символизировали три мира: кумасо (медведи) – землю, хаято (соколы) – воздух, эмиши, отождествляемые с креветками, – море (Hudson, p. 194).

Основываясь на принципах разделяй и властвуй, японские правители активно привлекали «варваров» для борьбы с другими варварами, что давало свои положительные результаты. Нередко фронтирный Чужой представляется в зооморфной форме, легко превращается в демона и наделяется сверхъестественными характеристиками.

Эпоха модернизации коренным образом изменила отношение к иноэтническим группам на Японских островах. Именно в этот период к традиционным оценкам добавились новые маркеры, отводившие этим народам место уже не только на периферии, но и ставящие их на ступень ниже по сравнению с японцами. В этом плане японский подход ничем не отличался от общеевропейского. Своеобразным подтверждением этому могут быть различные выставки и экспозиции, особенно так называемая «Колониальная выставка» (Takushoku hakurankai), проводимая в Токио в октябре-ноябре 1912 г. Среди «экспонатов» выставки устроители демонстрировали посетителям и айнскую «деревню». Нет нужды пояснять, что в выставке приняли участие и настоящие айны с Хоккайдо и Сахалина. Были там и несколько нивхов с Сахалина (Siddle R. M., 2012, p. 102). Правда, первая японская выставка, на которой «выставляли» айнов была организована в Осаке в 1903 г. (Пятая промышленная выставка).

Предыдущий период преследований и страхов, а также ненависти к Чужому сменяется колониальной политикой, направленной на покорение новых народов и получение максимальной выгоды с новых территорий. В этот период к позиции силы, с которой метрополия разговаривала со своей периферией, добавился закон, согласно которому коренное население лишалось всех своих прав. Параллельно происходила активная ассимиляция, выразившаяся в уничтожении айнской идентичности, о чем говорилось уже ранее. Им запрещали татуировку лиц, ношение серег, и ритуалы сжигания жилища умершего (Siddle, 2012, p. 61). Одновременно делаются попытки приобщения айнов к земледелию и распространению японской культуры. В силу необходимости получения новых территорий центральные власти проводят политику насильственного переселения. Все это сводит все старания по ассимиляции на нет, так как с одной стороны айны объявляются равноправными с японцами, но с другой, они автоматически превращались в изгоев, «переселяемых» в еще более отдаленные земли.

Как мы видим, современный период фронтальной истории Японии характеризуется частичным пересмотром старой истории и признанием «несправедливого» отношения к покоренным народам. Хоккайдо все меньше напоминает отдаленную недоразвитую провинцию, населенную «дикими волосатыми» людьми.

Конечно, это ни в коей мере не решает всех проблем, так как накопившиеся за долгое время противоречия не могут быть разрешены в одночасье. Кроме этого, проблемы, часто имеющие отношение к прошлому подобных территорий, не могут быть решены старыми методами, так как в любом случае и эти проблемы, и старые методы решений войдут в противоречие с нынешней реальностью. И в этом плане действия японских властей по решению данных проблем может представлять уникальный опыт, полезный для многих стран мира, в том числе и для нашей страны.

Список литературы

Fogarty, P. (6 June 2008 г.). *"Recognition at last for Japan's Ainu"*. (2. Retrieved June 7, & J. 7. Ito M. Diet officially declares Ainu indigenous// The Japan Times, Ред.) Получено 23 11 2017 г., из <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/asia-pacific/7437244.stm>

Hanihara, K. (1990). Emishi, Ezo and Ainu: An Anthropological Perspective. *Japan Review*, 35-48.

Hardy, T. (1986). *People of the Garden: Aesthetics in Everyday Life in a Tokyo Neighborhood*. Tokyo: New School for Social Research.

Hirano, K. (2015). Thanatopolitics in the Making of Japan's Hokkaido: Settler Colonialism and Primitive Accumulation. *Critical Historical Studies*, 2, 191-218.

Hok-Lam, C. (1968). The "Chinese Barbarian Officials" in the Foreign Tributary Missions to China during the Ming Dynasty. *Journal of the American Oriental Society*, 88(3), pp. 411-418.

Hudson, M. (1999). *Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Mason, M. M. (2012). *Dominant Narratives of Colonial Hokkaido and Imperial Japan: Envisioning the Periphery and the Modern Nation-State*. New York: Springer.

Matsumoto, H. (1921, Jan. — Mar.). Notes on the Stone Age People of Japan. *American Anthropologist, New Series*, Vol. 23(No. 1), pp. 72.

Morris-Suzuki, T. (2001). A Descent into the Past: the Frontier in the Construction of Japanese Identity. В D. Denoon, G. McCormack, M.

Hudson, & T. Morris-Suzuki (Ред.), *Multicultural Japan: Palaeolithic to Postmodern* (стр. 81-94). New York: Cambridge University Pres.

Morris-Suzuki, T. (2015). *Re-Inventing Japan: time, space, nation*. New York: Routledge.

Ohnuki-Tierney, E. (1980, Autumn). Shamans and Imu: Among Two Ainu Groups Toward a Cross-Cultural Model of Interpretation. *Ethos*, Vol. 8(No. 3), pp. 204.

Sato, T. (1968). Origins and genetic features of the Okhotsk people, revealed by ancient mitochondrial DNA analysis. *Journal of Human Genetics*, 52 (7), 618–627.

Sato, T. (2007). Origins and genetic features of the Okhotsk people, revealed by ancient mitochondrial DNA analysis. *Journal of Human Genetics*(52 (7)), pp.618–620.

Siddle, R. (2009). Aynu. Indigenous people of Japan. (M. Weiner, Ред.) *Japan's minorities: the illusion of homogeneity*, 23-24.

Siddle, R. M. (2012). *Race, Resistance and the Ainu of Japan*. New York: Routledge .

Sjöberg, K. (1993). *The Return of the Ainu*. Switzerland: Harwood Academic Publishers.

Takakura, S., & Harrison, J. A. (1960). The Ainu of Northern Japan: A Study in Conquest and Acculturation. *Transactions of the American Philosophical Society*, 50, 1-88.

Walker, B. (2001). *The conquest of Ainu Lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion 1590–1800*. Los Angeles: University of California Press.

Алпатов, В. М. (2003). *Япония: язык и общество*. Москва: «Муравей».

Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2012). Тело варвара: конструирование образа Чужого на китайском фронтире. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 233-240.

Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2013). Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирных территорий. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, стр. 4-15.

FRONTIER WITH A JAPANESE FACE

Pavlenko N.V.

Pavlenko Nadezhda Vladimirovna, Limited Liability Company “LUKOIL-Nizhnevolzhskneft”,
414000, Astrakhan, Russia, Admiralteyskaya Str., 1, Block 2.

E-mail: kitai.kibo@gmail.com

Questions of Japanese ethnic history, as a rule, involuntarily lead the researcher to the problem of the internal controversy of Japanese culture, expressed on the one hand, in its unification, and on the other, in the presence of a multitude of ethnic and cultural layers. This article analyzes the issue of the frontier history of Japan. Although in the foreign historiography of the problem of the Japanese frontier is well studied, this question is practically not covered in the domestic historical science. In his article the author tries to discuss this problem in several aspects: historical and ethnic. The historical aspect is uncovered in the analyses of a number of territories and tribes, which can be referred to the concept of "frontier", i.e. connected with a certain zone of cultural contacts of Japanese with non-Japanese. In the north of the country, they are the Emishu, the Ainu and other groups, and in the south – various ethnic groups of the Ryukyu Islands.

Ethnic aspect is analyzed through the prism of Ainu history and through the process of their incorporation into the all-Japanese national culture. Using as an example the relationship with the Ainu, the author identifies three periods (models) of the Japanese frontier policy: archaic, colonial and modern. The archaic model was a continuation of the Chinese model, built on the dichotomy of the center and periphery. It was dominated by mythopoetic parameters, prescribing a relation to the barbarian in accordance with his place in the world picture. Modernist (colonial) approach was a kind of synthesis of the traditional Japanese and Western style of acting. The modern model is characterized by a revision of a number of events in the past Japanese history and the recognition of some old mistakes.

Keywords: Frontier, Japan, Alien, ethnic history, identity, intercultural communication, the Ainu

References

Fogarty, P. (6 June 2008 г.). *"Recognition at last for Japan's Ainu"*. (2. Retrieved June 7, & J. 7. Ito M. Diet officially declares Ainu indigenous// The Japan Times, Ред.) Получено 23 11 2017 г., из <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/asia-pacific/7437244.stm>

Hanihara, K. (1990). Emishi, Ezo and Ainu: An Anthropological Perspective. *Japan Review*, 35-48.

Hardy, T. (1986). *People of the Garden: Aesthetics in Everyday Life in a Tokyo Neighborhood*. Tokyo: New School for Social Research.

Hirano, K. (2015). Thanatopolitics in the Making of Japan's Hokkaido: Settler Colonialism and Primitive Accumulation. *Critical Historical Studies*, 2, 191-218.

Hok-Lam, C. (1968). The "Chinese Barbarian Officials" in the Foreign Tributary Missions to China during the Ming Dynasty. *Journal of the American Oriental Society*, 88(3), pp. 411-418.

Hudson, M. (1999). *Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Mason, M. M. (2012). *Dominant Narratives of Colonial Hokkaido and Imperial Japan: Envisioning the Periphery and the Modern Nation-State*. New York: Springer.

Matsumoto, H. (1921, Jan. — Mar.). Notes on the Stone Age People of Japan. *American Anthropologist, New Series*, Vol. 23(No. 1), pp. 72.

Morris-Suzuki, T. (2001). A Descent into the Past: the Frontier in the Construction of Japanese Identity. В D. Denoon, G. McCormack, M. Hudson, & T. Morris-Suzuki (Ред.), *Multicultural Japan: Palaeolithic to Postmodern* (стр. 81-94). New York: Cambridge University Press.

Morris-Suzuki, T. (2015). *Re-Inventing Japan: time, space, nation*. New York: Routledge.

Ohnuki-Tierney, E. (1980, Autumn). Shamans and Imu: Among Two Ainu Groups Toward a Cross-Cultural Model of Interpretation. *Ethos*, Vol. 8(No. 3), pp. 204.

Sato, T. (1968). Origins and genetic features of the Okhotsk people, revealed by ancient mitochondrial DNA analysis. *Journal of Human Genetics*, 52 (7), 618–627.

Sato, T. (2007). Origins and genetic features of the Okhotsk people, revealed by ancient mitochondrial DNA analysis. *Journal of Human Genetics*(52 (7)), pp.618–620.

Siddle, R. (2009). Aynu. Indigenous people of Japan. (M. Weiner, Ред.) *Japan's minorities: the illusion of homogeneity*, 23-24.

Siddle, R. M. (2012). *Race, Resistance and the Ainu of Japan*. New York: Routledge .

Sjöberg, K. (1993). *The Return of the Ainu*. Switzerland: Harwood Academic Publishers.

Takakura, S., & Harrison, J. A. (1960). The Ainu of Northern Japan: A Study in Conquest and Acculturation. *Transactions of the American Philosophical Society*, 50, 1-88.

Walker, B. (2001). *The conquest of Ainu Lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion 1590–1800*. Los Angeles: University of California Press

Alpatov, V.M. (2003). *Japan: language and society*. Moscow: «Muravey».

Yakushenkov S.N. & Yakushenkova O.S. (2012) Barbarian body: construction of the alien's body on the chinese frontier. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 4, pp. 233-240.

Yakushenkov S.N. & Yakushenkova O.S. (2013) Abundance of resources as one of the peculiarities of frontier territories. *Human, Community, Management*, 1, pp. 4-15.